

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 2. С. 390–422.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 9, no. 2 (2025): 390–422.

Научная статья

УДК 94(47).084.6

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-2-3>

<https://elibrary.ru/gyyynj>

**Активисты поколения «революционного перелома» в конце 1920-х годов:
социально-политический портрет
(по материалам Тамбовского и Козловского округов)**

Владимир Александрович Ипполитов

Тамбовский государственный технический университет,
Тамбов, Россия,

vladimir.ippolitov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9327-3865>

Vladimir A. Ippolitov

Tambov State Technical University,
Tambov, Russia,

vladimir.ippolitov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9327-3865>

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-политического портрета крестьянина-активиста поколения «революционного перелома» в конце 1920-х годов. Показано, что представители данного поколения играли ключевую роль в сельских партийных ячейках и общественных организациях. Автором изучались личные данные членов партии, кандидатов в члены ВКП(б) и участников групп бедноты. Составление баз данных помогло установить происхождение, социальный статус, экономическое положение крестьян-активистов. Анализ занятий сельчан с 16-летнего возраста позволил реконструировать типичный жизненный путь активиста. Источниками для данной работы стали анкеты вступающих в партию и членов сельских ячеек ВКП(б), а также участников конференций бедноты. При рассмотрении социально-политических взглядов крестьян использовались стенограммы окружных и районных конференций бедноты и документы партийных организаций. Большая часть источников впервые вводится в научный оборот. Автор приходит к выводу, что основная масса активистов начинала свой жизненный путь, работая по найму. Работа в городе, участие в войнах являлись факторами радикализации взглядов сельчан. Установлено, что большинство партийцев и желающих ими стать имели неэффективное хозяйство. Вследствие этого крестьяне стремились получить оплачиваемую бюрократическую должность. Сделан вывод о том, что активисты, организовав свое хозяйство после Гражданской войны, к концу 1920-х годов в силу ряда факторов теряют интерес к земледелию. При этом беднота

© Ипполитов В.А., 2025

© Ippolitov V., 2025

выражала недовольство бюрократизмом советской системы и недостаточной помощью от государства. Значительная часть политически активных крестьян выступала против разжигания классовой борьбы в деревне и хлебозаготовок.

Ключевые слова: крестьянство, активисты, партия, нэп, поколение, группы бедноты, «революционный перелом», колхоз

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00132, «Поколение “революционного перелома” в судьбе российской деревни первой трети XX века», <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>).

Для цитирования: Ипполитов В.А. Активисты поколения «революционного перелома» в конце 1920-х годов: социально-политический портрет (по материалам Тамбовского и Козловского округов) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 2. С. 390–422, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-2-3>; EDN: GYYYNJ

Activists of the “Revolutionary Turn” Generation in the Late 1920s: A Socio-Political Portrait (A Case-Study of Tambov Okrug and Kozlov Okrug)

Abstract: The paper presents a socio-political portrait of a peasant activist of the “revolutionary turn” generation in the late 1920s. It has been shown that the representatives of this generation played a key role in rural party cells and public organizations. The author studied personal data of party members, candidate members of the VKP(b), and participants in the groups of the poor. The compilation of databases helped to establish the origin, social status, and economic situation of peasant activists. An analysis of the activities of villagers from the age of 16 made it possible to reconstruct a typical life path of an activist. Among the sources for this work were questionnaires of participants in the conferences of the poor, peasants joining the party, and members of the rural Communist Party cells. When examining the socio-political views of peasants, the author used transcripts of okrug and raion conferences of the poor and documents of party organizations. Most of the sources are being introduced into scientific circulation for the first time. The author comes to the conclusion that the majority of activists began their life journey as hired workers. Work in the city as well as participation in wars was a factor in the radicalization of villager’s views. It was established that the majority of party members and those wishing to join the party had inefficient households. As a result, peasants sought to obtain paid bureaucratic positions. It was concluded that having organized their farms after the Civil War, activists had lost interest in farming by the end of the 1920s due to a number of factors. At the same time, the poor expressed dissatisfaction with the bureaucracy of the Soviet system and insufficient assistance from the state. A significant part of the politically active peasants opposed the incitement to class struggle in the village and grain procurements.

Keywords: peasantry, activists, party, NEP, generation, groups of the poor, revolutionary turn, collective farm

Acknowledgments: This article has been prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (Project no. 22-18-00132, “Generation of the ‘revolutionary turning point’ in the fate of the Russian countryside in the first third of the twentieth century,” <https://rscf.en/project/22-18-00132/>).

For citation: Ippolitov, V.A. “Activists of the ‘Revolutionary Turn’ Generation in the Late 1920s: A Socio-Political Portrait (A Case-Study of Tambov Okrug and Kozlov Okrug.” *Historia*

Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 9, no. 2 (2025): 390–422,
<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-2-3>; EDN: GYYYNJ

Введение

В конце 1920-х годов страна переживала один из переломных моментов в своем развитии: заканчивался период нэпа и начинался этап форсированной индустриализации и коллективизации. Понимание столь сложных процессов невозможно без обращения к поколенческой истории и рассмотрения социально-политических настроений населения. Поэтому несомненна актуальность изучения наиболее активных социальных групп в период, предшествовавший «великому перелому» в советской деревне.

Теоретическая парадигма исследования опирается на предложенную социологом Ю.А. Левадой концепцию поколения «революционного перелома»¹. Под понятием «поколение “революционного перелома”» Ю.А. Левада подразумевал людей, родившихся примерно в 1890-е гг. и принявших активное участие в событиях 1905–1930-х гг. Автор солидарен с рядом современных историков, которые считают, что хронологические рамки возраста указанного поколения следует расширить². Схожей позиции придерживался один из основателей крестьяноведения Т. Шанин, который писал о крестьянских детях, прошедших драматические события 1905–1907 гг. и впоследствии ставших солдатами в годы Первой мировой войны. По мнению историка, именно это поколение решило судьбу Гражданской войны, отказавшись поддержать Белое движение³. В статье изучался период 1928–1929 гг., в это время представителям поколения «революционного перелома» было 25–40 лет. Таким образом, «герои» данного исследования родились в 1888–1903 гг., что соответствует концепции Ю.А. Левады.

Источниковой базой исследования стали фонды Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО), в частности, анкеты желавших вступить в партию и участников конференций

¹ Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / составители Ю.А. Левада, Т. Шанин. Москва: Новое литературное обозрение, 2005. С. 39–60.

² Сафонов Д.А. Крестьянское поколение «революционного перелома»: начало становления // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28, № 3. С. 675. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-673-688>; Слезин А.А., Якимов К.А. Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920–1930-х гг. // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 8. С. 453–469. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469>

³ Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 10.

групп бедноты. Анализировались стенограммы и другие материалы окружных и районных конференций бедноты, а также документы партийных организаций. Использовались материалы по Тамбовскому и Козловскому округам, которые являлись типичными аграрными регионами. Полученные выводы в определенной степени можно экстраполировать на все Центральное Черноземье.

Активистами в период нэпа следует считать крестьян, включенных в систему властных или общественных организаций. К представителям власти относились члены партии, депутаты сельских советов, различные уполномоченные. Немалым влиянием пользовались участники общественных организаций: комсомола, групп бедноты, ККОВ (крестьянских комитетов общественной взаимопомощи) и др. В данном исследовании автор ограничился рассмотрением источников по членам сельских ячеек партии, крестьянам, подавшим заявление на вступление в ВКП(б), и участникам конференций групп бедноты. Подобная выборка позволяет дать объективный портрет типичного крестьянского активиста.

На материалах фондов Тамбовского и Козловского окружного комитета ВКП(б) составлены базы данных активистов поколения «революционного перелома». Проанализирована информация на более чем 1000 крестьян-активистов. Для удобства работы она заносилась в таблицы. Применялся когортный анализ, который позволил установить образование, социальное положение, уровень развития хозяйства крестьян данного поколения. Особый интерес представляет графа «работа и занятия с 16-летнего возраста», которая является краткой биографией крестьянина. Возможные искажения информации, к которым могли прибегать кандидаты для вступления в партию, не влияют на общую картину жизненного пути сельских активистов.

Тема сельских активистов широко изучалась в отечественной историографии. Вопрос о выдвиженцах, работниках низовых партийных и общественных структур в период нэпа затрагивался в трудах современных историков Х. Окуды⁴, С.И. Кузнецова⁵, В.А. Ильиных⁶. Проблема социального

⁴ Окуда Х. От сохи к портфелю: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы Международной научной конференции (Москва, 5–7 декабря 2008 г.). Москва: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 495–528.

⁵ Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психоисторические очерки). Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2001.

статуса бедных и маргинализированных крестьян в 1920-е годы изучалась в работах И.В. Гончаровой⁷, А.В. Федотова⁸, С.А. Есикова⁹. Роль сельских активистов в выполнении хлебозаготовок 1928–1929 гг. анализировалась В.В. Кондрашиным¹⁰, В.В. Филатовым¹¹. Отдельные сюжеты данной темы рассматривались в трудах зарубежных историков М. Левина¹², Р. Дэвиса¹³, О. Фиджеса¹⁴, Ш. Фицпатрик¹⁵, К. Воробек¹⁶. Однако поколенческий аспект активистского движения в деревне остается малоизученной темой.

Основная часть

Опорой советской власти в деревне являлась партийная ячейка, состоявшая преимущественно из местных крестьян. К концу нэпа данный элемент партийной структуры имелся лишь в небольшом количестве населенных пунктов Центрального Черноземья. Например, анкетное обследование коммунистов-крестьян Козловского округа ЦЧО, проводившееся осенью 1928 г., охватило всего лишь 533 человека, или 73 % членов ВКП(б).

⁶ *Ильиных В.А.* Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х – 1920-е гг.: критерии, тенденции, факторы // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 128–134.

⁷ *Гончарова И.В.* Беднота в объективе социальной политики власти в конце 1920-х гг. (на примере Орловской губернии) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3–2 (37). С. 20–24.

⁸ *Федотов А.В.* Бедняки в доколхозной деревне: кто они? (опыт регионального исследования по материалам Тульской губернии) // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 2. С. 51–56.

⁹ *Есиков С.А.* Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921–1928 гг.). Тамбов: Издательство Тамбовского государственного технического университета, 2004.

¹⁰ *Кондрашин В.В.* Накануне сплошной коллективизации: 1928–1929 гг. в советской деревне // Экономическая история: ежегодник. 2022 / под редакцией Ю.А. Петрова. Москва: Институт российской истории РАН, 2023. С. 280–309.

¹¹ *Филатов В.В.* Участие местных советских органов Уральского региона в репрессиях против крестьян накануне коллективизации // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2, № 3. С. 29–36.

¹² *Lewin M.* Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization. New York: W.W. Norton & Company, 1975.

¹³ *Davies R.W.* The Socialist Offensive: The Collectivisation of Soviet Agriculture, 1929–1930. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.

¹⁴ *Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924. London: Pimlico, 1997.

¹⁵ *Fitzpatrick Sh.* Education and Social Mobility in the Soviet Union 1921–1934. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

¹⁶ *Worobec Ch.* Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton, NJ: PrincetonUniversityPress, 1991.

Таблица

Возраст коммунистов – крестьян Козловского округа в 1928 г.¹⁷

Группы	Возраст				
	Всего	От 20 до 25 лет	От 26 до 40 лет	От 40 до 50 лет	Старше 50 лет
Члены РК	62	14	42	6	–
Члены бюро ячеек	68	13	47	7	1
Рядовые	403	101	263	31	8
Итого	533	128	352	44	9

Анализ анкетных данных коммунистов по возрастному критерию показывает преобладание поколения «революционного перелома» в сельских ячейках (см. таблицу). Основной группой являлись крестьяне в возрасте от 25 до 40 лет (352 человека, или 66 %). Представители данной возрастной когорты преобладали на всех «этажах» организации: среди членов РК (районного комитета) – 67,7 %, членов бюро – 69,1 % и рядовых – 65,2 %. Обращает на себя внимание незначительное количество земледельцев старшего возраста в структуре ВКП(б). Фактически именно представители поколения «революционного перелома» и в меньшей степени молодежь играли ведущую роль в сельских партийных организациях.

Партийный стаж сельских коммунистов, как правило, был небольшим. Обследование членов ВКП(б) Козловского округа ЦЧО показало, что большинство из них имели стаж с 1925 г. и меньше. Таких коммунистов было 405 человек, или 76 %. Среди рядовых членов партии этот показатель составлял 81,6 %¹⁸. Рост численности сельских ячеек во многом был связан с провозглашенным в 1925 г. курсом «лицом к деревне». Коммунисты «от сохи», вступившие в партию в период нэпа, не имели достаточного опыта и авторитета для самостоятельной активности, поэтому являлись послушными исполнителями воли руководства страны.

Большинство сельских коммунистов Козловского округа не являлись успешными хозяевами, что вполне соотносилось с политикой партии в деревне. «Хозобрастание» партийца считалось опасным явлением. Семьи коммунистов по традиции были многочисленными: 65 % из них насчитывали 5 или более человек. Однако по количеству рабочих рук преобладали семьи с

¹⁷ Итоги анкетного обследования социально-экономического состояния коммунистов-крестьян и их участия в колхозном строительстве по Козловскому Округу по состоянию на 1.10.1928 года // Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (далее – ГАСПИТО). Ф. П-835. Оп. 1. Д. 140. Л. 8.

¹⁸ Там же.

1–2 работниками – 72 %. На одну душу полагались в основном 1–1,5 десятины земли. Таких дворов насчитывалось 79 %¹⁹. По классификации экономиста А.И. Хрящевой, в производящих регионах наделы от 2 до 6 десятин относились к мелкопосевным²⁰. 77 % земледельцев придерживались традиционной и малопродуктивной трехпольной системы²¹. Таким образом, подавляющее большинство коммунистов в силу слабости своего хозяйства не могли достойно обеспечить свою семью. Подобные маломощные семьи зачастую вообще прекращали занятие хлебопашеством. Экономическая неэффективность хозяйств коммунистов из деревенской среды негативно влияла на авторитет партийцев среди сельчан. Еще хуже было отношение к чиновникам. Х. Окуда справедливо отмечал, что «крестьяне видели в действиях обладающих «портфелями» служилых людей проявление некрестьянского и даже антикрестьянского»²².

Экономическая слабость хозяйств коммунистов проявлялась и в недостаточной технической оснащенности. Безлошадных крестьян-членов ВКП(б) в возрасте от 25 до 40 лет насчитывалось 50,2 %, одну лошадь имели – 38 %²³. Свидетельством экономической несостоятельности сельских коммунистов является наличие в их среде 44 % безынварных хозяйств, примитивной сохой пользовалось 35 %²⁴. Эти показатели сопоставимы с данными по крестьянам Козловского округа. В 1928 г. у 47,9 % земледельцев региона не было лошади, а одну имели 47,2 % сельчан²⁵. В этом же году на 100 хозяйств округа приходилось 42,8 сохи²⁶. Количество партийцев, использовавших соху, было меньше, чем в среднем по региону.

¹⁹ Итоги анкетного обследования социально-экономического состояния коммунистов-крестьян и их участия в колхозном строительстве по Козловскому Округу по состоянию на 1.10.1928 года // Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (далее – ГАСПИТО). Ф. П–835. Оп. 1. Д. 140. Л. 9.

²⁰ Хрящева А.И. Группы и классы в крестьянстве. Москва: ЦСУ Союза ССР, 1926. С. 87.

²¹ Итоги анкетного обследования социально-экономического состояния коммунистов-крестьян и их участия в колхозном строительстве по Козловскому Округу по состоянию на 1.10.1928 года // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 140. Л. 10.

²² Окуда Х. От сохи к портфелю. С. 502.

²³ Итоги анкетного обследования социально-экономического состояния коммунистов-крестьян и их участия в колхозном строительстве по Козловскому Округу по состоянию на 1.10.1928 года // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 140. Л. 14.

²⁴ Там же.

²⁵ Центрально-Черноземная область. Статистический справочник. Воронеж: Облстатотдел, 1929. С. 175.

²⁶ Центрально-Черноземная область. Статистический справочник. С. 174.

48,2 % коммунистов, кроме земледелия, получали доход от службы²⁷. Несмотря на экономическую слабость, к осени 1928 г. только 25,4 % крестьян-коммунистов поколения «революционного перелома» состояло в коллективных хозяйствах²⁸. Причиной этого, помимо незначительного количества колхозов, являлся крестьянский прагматизм, выразившийся в недоверии ко всему новому.

К 1929 г. явно обозначилась тенденция отхода руководства страны от принципов нэпа. В ходе хлебозаготовок нарушался установленный в 1921 г. базовый принцип, заключавшийся в праве крестьянина на распоряжение выращенной им продукцией. Правительство резко усилило давление на крестьян с целью побудить их вступать в коллективные хозяйства. В подобных условиях в сельские ячейки ВКП(б) вступали земледельцы, поддерживавшие антикрестьянский курс правительства.

Вступив в партию, крестьянин получал возможность подняться по социальному лифту с перспективой в дальнейшем получить оплачиваемую должность. В партию преимущественно принимались бедняки и маломощные середняки, а также батраки, которые считались ближайшим к рабочему классу социальным слоем. Прием малообразованных, но с «правильным» классовым положением крестьян способствовал радикализации сельских ячеек и одновременному росту «иждивенческих настроений».

Среди крестьян поколения «революционного перелома» Козловского округа ЦЧО, подававших заявление на вступление в партию в 1929 г., преобладали грамотные – 86,3 %, остальные были малограмотными или неграмотными. Правда, судя по анкетам, грамотность большинства кандидатов оставляла желать лучшего. Об этом свидетельствуют многочисленные орфографические ошибки. Только 14 % вступавших в партию крестьян вели единоличное хозяйство. Количество подававших заявление батраков и пастухов, несмотря на усиленную агитацию, было невелико – 8,9 %. Более половины кандидатов (53 %) на момент подачи заявления состояли в различных коллективных хозяйствах²⁹. В целом по ЦЧО на 1 октября 1929 г., по данным первого секретаря обкома И.М. Варейкиса, было коллективизировано 7,7 %

²⁷ Итоги анкетного обследования социально-экономического состояния коммунистов-крестьян и их участия в колхозном строительстве по Козловскому Округу по состоянию на 1.10.1928 года // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 140. Л. 14.

²⁸ Там же.

²⁹ Анкеты вступающих в члены ВКП(б) в Козловском округе в 1929 году // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 273. Л. 1–205; Анкеты вступающих в члены ВКП(б) в Козловском округе в 1929 году // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 274. Л. 1–189.

крестьянских хозяйств³⁰. Таким образом, доля желающих стать членами партии среди колхозников была существенно выше, чем у ведущих собственное хозяйство. На изменение устоев жизни крестьян влияла пропаганда преимуществ коллективного хозяйства, а также обещание существенных льгот от правительства, к которым беднота уже привыкла. Очевидно, что стремление колхозников стать членами правящей партии было связано с желанием преодолеть бедность, оставить занятие хлебопашеством и получить «портфель».

Изучение базы данных показывает, что подавляющее большинство крестьян-активистов (85,5 %), вступавших в ВКП(б), имели землю, но были освобождены от уплаты сельскохозяйственного налога. Только 12,3 % сельчан платили государству в среднем от 3 до 7 руб. Хозяева подобных небольших наделов не имели экономической возможности преодолеть бедность, поэтому охотно вступали в партию в надежде на улучшение качества жизни. 15,9 % крестьян, помимо земледелия, занимали должности председателей и членов сельских советов, сотрудников потребительской кооперации и ККОВ.

Типичным примером активиста из поколения «революционного перелома» являлся уроженец Сеславинского района К.Т. Кодякин (1900 г. р.). С 10 до 15 лет крестьянин был пастухом, в 15 лет стал батраком, затем с 1918 г. служил в Красной армии. После демобилизации в 1924 г. несколько лет проработал сельским сторожем до тех пор, пока не обзавелся собственным хозяйством. Но к 1928 г. Кодякин оставил хлебопашество, став закупщиком в Потребительском обществе³¹.

Более старшие представители данного поколения успели послужить в старой армии. Например, А.И. Кондрашев (1894 г. р.), родившийся в Сеславинском районе, начал трудовую деятельность как батрак, затем в 1915–1917 гг. участвовал в Первой мировой войне. Вернувшись с войны, он сумел стать крестьянином-единоличником, но в 1918 г. был мобилизован (или ушел добровольцем) в РККА. С 1921 г. Кондрашев вновь занимался своим хозяйством³². Примечательно, что многие крестьяне-батраки после революции смогли организовать личное хозяйство, чему способствовала «общинная революция», которая привела к переделу земли. Немаловажное значение имели и огромные демографические потери в ходе войн и революции.

³⁰ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под редакцией В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 225.

³¹ Анкеты вступающих в члены ВКП(б) в Козловском округе в 1929 году // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 274. Л. 41.

³² Там же. Л. 69.

Значительная часть крестьян-участников революционных событий после возвращения к мирной жизни выбрали карьеру чиновника. Так, И.В. Кольтюков (1896 г. р.) в 1906–1915 гг. занимался земледелием, с 1915 г. служил в царской армии, а с 1918 г. – в РККА. Будущий активист в 1922 г. стал председателем сельского совета, с 1925 г. – председателем ККОВ, в 1927 г. дослужился до руководителя районного ККОВ³³. Уроженец Козловского района М.М. Дубовицкий (1894 г. р.) до войны работал землекопом. С 1915 по 1918 г. воевал в составе старой армии. После короткой передышки в 1918 г. (в этот период был лесорубом), он попал в Красную армию, где служил до 1922 г. После двух лет работы в своем хозяйстве Дубовицкий стал членом ВИКа, затем председателем ККОВ и инструктором по сбору сельскохозяйственного налога³⁴. Приоритет партийной деятельности в жизни крестьянина-активиста, как правило, приводил к упадку собственного хозяйства, что вызывало негативное отношение к нему со стороны односельчан.

Знакомство с городской жизнью являлось немаловажным фактором формирования мировоззрения крестьян изучаемой возрастной группы в годы революционных потрясений. Непривычные условия жизни, материальные трудности, а зачастую и революционная пропаганда способствовали радикализации взглядов молодых сельчан. В.А. Заболотников (1897 г. р.), поработав пастухом и батраком в Сосновском районе, в 1914 г. перебрался на Донбасс, где стал шахтером. После службы в царской и Красной армии вернулся в деревню, где получил свой земельный надел. В 1926 г. грамотный крестьянин поступил на службу в Потребительское общество, а через два года подал заявление о приеме в партию³⁵. Примером типичной биографии активиста является карьера С.А. Епифанова (1893 г. р.), который начинал как пастух, затем в 1908 г. стал рабочим на кирпичном заводе, после – на шахте. Как и множество представителей своего поколения, после участия в Первой мировой и гражданской войнах он вернулся в свою деревню и в 1924 г. стал председателем сельского совета. Видимо, он не связывал свою жизнь с земледелием, работал лесником, а затем председателем правления Потребительской кооперации³⁶. Опыт работы в городе был положительным фактором как при приеме в партию, так и при назначении на служебные должности в деревне.

³³ Анкеты вступающих в члены ВКП(б) в Козловском округе в 1929 году // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 274. Л. 101.

³⁴ Анкеты вступающих в члены ВКП(б) в Козловском округе в 1929 году // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 273. Л. 54.

³⁵ Там же. Л. 113.

³⁶ Там же. Л. 78.

Анализ анкетных данных кандидатов в партию из представителей поколения «революционного перелома» позволяет составить типичную биографию сельского активиста. Трудовой путь батраком или пастухом начинали 67 % активистов, только 32,7 % сразу работали в своем хозяйстве. 82,7 % крестьян участвовали в Первой мировой и Гражданской войнах. В начале НЭПа большинство из них создали свои хозяйства, но уже к 1928 г. оставили земледелие, вступив в коллективное хозяйство, либо перейдя на службу. Крестьянин данного поколения являлся типичным «человеком с ружьем», который определил судьбу страны в переломные годы революции и гражданской войны.

Группы бедноты стали создаваться после резолюции октябрьского пленума ЦК РКП (б) в 1925 г. Партия постановила создавать особые группы бедноты в селах, волостях и районах. Целью новых объединений было практическое отстаивание интересов беднейшей части крестьянства в сельских советах, кооперации, кресткомах и т.д. Современный исследователь И.С. Кузнецов считает, что «оправданным было объединение их [малоимущих слоев] в те или иные организации для защиты своих интересов. Иное дело – стремление превратить маргинализированную, наименее культурную часть сельского населения в политического лидера»³⁷. Формально целью групп бедноты было укрепление союза с середняками, но на практике их создание обострило классовую борьбу в деревне.

База данных участников окружных конференций бедноты Козловского округа ЦЧО в 1928–1929 гг. свидетельствует, что 59,8 % из них принадлежали к поколению «революционного перелома». Значительная часть делегатов являлась представителями низовых советских органов (74,6 %) ³⁸. Таким образом, крестьяне на конференциях являлись выразителями интересов мелкой деревенской бюрократии, хотя и непосредственно связанной с хлебопашеством.

Люмпенизированные элементы деревни в возрасте от 25 до 40 лет были широко представлены на конференциях бедноты: 33,6 % участников имели только избу. Освобожденными от сельскохозяйственного налога являлись 72,4 % крестьян, остальные облагались символическими суммами. Половина

³⁷ Кузнецов И.С. Богатые и бедные: взгляды сибирского крестьянства 1920-х гг. на социальные различия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2002. Т. 1, вып. 3. С. 55–62. URL: <https://zaimka.ru/kuznetsov-gap/> (дата обращения: 08.01.2024).

³⁸ Анкеты делегатов 1-й окружной конференции групп бедноты Козловского округа 13–14 декабря 1928 года // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 133. Л. 1–123; Анкеты делегатов 2-й окружной конференции групп бедноты Козловского округа 21–23 декабря 1929 года // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 308. Л. 1–149.

участников конференций (54,1 %) обрабатывала землю своим трудом, сдавали в аренду или нанимали рабочую силу – 34 %. Остальные активисты трудились в коллективе либо не имели надела.

Одной из главных задач политики партии в деревне провозглашалась помощь маломощным крестьянским хозяйствам. В 1928–1929 гг. из сельских активистов 34,9 % получили льготные кредиты. В основном это были небольшие суммы на покупку плуга, лесоматериалов и обработку земли. Более крупные кредиты в 100–150 руб. на приобретение лошади и коровы встречались довольно редко. Практически все крестьяне-активисты участвовали в потребительской кооперации (93 %), чему способствовали разнообразные льготы для бедняков. В целом поддержка бедноты со стороны государства была недостаточной, поэтому решение этой проблемы партийному руководству виделось в переходе к коллективным методам ведения хозяйства.

Несмотря на грамотность основной массы активистов, только 57 % крестьян выписывали какие-либо газеты. Наибольшей популярностью пользовались «Крестьянская газета», «Наша Правда», «Беднота», «Батрак».

Как известно, крестьяне крайне мало оставляют «письменных следов», которые позволяют проанализировать их духовный мир. Сохранившаяся в партийном архиве документация по группам бедноты позволяет отчасти восполнить данный пробел. Социально-политические взгляды активистов из бедных слоев крестьян отражают материалы конференций, проходивших в 1928–1929 гг. Стенографированные записи выступлений участников не предназначались для широкого использования, поэтому являются надежным источником информации.

Среди групп бедноты наблюдалось стремление к монополизации власти в деревне по образцу комбедов времен Гражданской войны. В ноябре 1928 г. на районной конференции групп бедноты Лев-Толстовского района в прениях высказывались мнения, что «беднота, являясь представителями власти, полностью будет проводить в жизнь законы правительства, защищать интересы населения»³⁹. В ответ на такие настроения партия напоминала, что группы бедноты являются общественной организацией. Руководители страны понимали опасность появления нового центра власти в деревне. В конце 1928 г. на 1-ой конференции бедноты Козловского округа в этот вопрос была внесена ясность:

³⁹ Протокол 1-ой окружной конференции групп бедноты Козловского округа 13–14 декабря 1928 года // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 132. Л. 111.

группы бедноты не являются основной властью в деревне, они влияют на власть, все вопросы, выдвигаемые группами бедноты, должны проводить соответствующие органы власти⁴⁰.

Крестьяне-активисты поколения «революционного перелома» весьма критически оценивали состояние партийно-государственного аппарата в деревне. На общем собрании бедноты Кирсановского района Тамбовского округа один участник откровенно заявлял, что «Советская власть хороша, но аппарат ее плох»⁴¹. В декабре 1928 г. на 1-ой окружной конференции групп бедноты в Тамбове другой делегат говорил:

Нужно к власти ставить хороших партийцев. Сейчас у власти есть старинные люди [кулаки и белогвардейцы], стоящие во главе. Знакомство и протезе имеет громадное значение⁴².

Крестьяне выражали недовольство качеством проверки работы сельских советов, так как инструкторы «первым делом являются к председателю и заводят с ним дружбу»⁴³. Членов партии в деревне хронически не хватало. Так, в Хворостянском районе на 6 000 населения не было ни одного члена ВКП(б)⁴⁴.

Особое возмущение бедняков вызывало стремление членов партии к зажиточной жизни. В 1929 г. делегат от Добровского района Гребенников возмущался, что «член партии Третьяков повел линию на собственное обогащение, арендовал землю, получил кредиты»⁴⁵.

В 1928 г. на конференции групп бедноты в Козловском округе активист Корнев из Шехманского района выражал недовольство размерами государственной помощи: «Дадут бедняку ссуду в 5 рублей, а через месяц уже требуют ее обратно»⁴⁶. В Грязнинской волости на конференции бедноты

⁴⁰ Протокол 1-ой окружной конференции групп бедноты Козловского округа 13–14 декабря 1928 года // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 132. Л. 20.

⁴¹ Общие собрания бедноты Вячкинского Общества и Сельсовета Кирсановского района // ГАСПИТО. Ф. П–855. Оп. 1. Д. 87. Л. 59.

⁴² Протокол 1-ой окружной конференции групп бедноты Тамбовского округа 13–14 декабря 1928 года // ГАСПИТО. Ф. П–855. Оп. 1. Д. 81. Л. 11.

⁴³ Протокол 1-ой окружной конференции групп бедноты Козловского округа 13–14 декабря 1928 года // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 132. Л. 8.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Протокол 2-ой окружной конференции групп бедноты Козловского округа 21–23 декабря 1929 года // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 307. Л. 13.

⁴⁶ Протокол 2-ой окружной конференции групп бедноты Козловского округа 21–23 декабря 1929 года // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 132. Л. 4.

крестьянка Кочеткова говорила, что «бедноте не дают денег для поддержки, и поэтому она не может обработать свою землю»⁴⁷.

Общей чертой мировоззрения крестьян-активистов была враждебность к зажиточным слоям населения или кулакам. Но даже среди них наблюдались выступления в защиту кулаков. Так, представитель Бондарского района Щикин заявил: «Много говорят о кулаках, но кулаков в деревне нет, а есть имеющие по три лошади – это не кулак»⁴⁸. В Алгасовском районе на собрании бедноты крестьяне заявляли: «Вы хотите натравить нас на кулака, а как же мы будем жить без кулака, тогда нам негде будет взять хлеба, так как кооперация нам не даст»⁴⁹. В Каменке (Ржаксинский район) один бедняк сказал: «Зажиточным тоже надо давать кредит»⁵⁰. Отношения основной массы бедноты к кулакам, по мнению этнографа М.Я. Феноменова, сводились к поговорке: «С сильным не борись, с богатым не судись»⁵¹. В целом можно утверждать, что разорение зажиточных слоев населения в конце 1920-х годов объективно ухудшало экономическое положение бедноты. «Богатые» в условиях явно недостаточной государственной поддержки в деревенских условиях являлись «последней надеждой» малоимущих слоев.

Активисты на конференциях постоянно обращали внимание на выступления бедняков на стороне зажиточных слоев деревни по вопросам хлебозаготовок, самообложения и коллективизации. В 1928 г. бедняк Козловский из Сампурского района Тамбовского округа возмущался: «Хлебозаготовки ни в чем не отличаются от старых. Ведь тогда ссыпали помещику, а теперь государству»⁵². Значительное распространение получило явление, когда богатые крестьяне отдавали бедноте хлеб на «хранение». Коммунисты Покрово-Марфинского района (Тамбовский округ) в 1928 г. признавали, что крестьяне настроены

⁴⁷ Доклад об обследовании работы с беднотой в Инжавинском районе // ГАСПИТО. Ф. П–855. Оп. 1. Д. 82. Л. 74.

⁴⁸ Протокол 1-ой окружной конференции групп бедноты Тамбовского округа декабрь 1928 года // ГАСПИТО. Ф. П–855. Оп. 1. Д. 81. Л. 19.

⁴⁹ Итоги смотра и проведения районных и окружной конференции групп бедноты по Тамбовскому Округу // ГАСПИТО. Ф. П–855. Оп. 1. Д. 81. Л. 102.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ *Феноменов М.Я.* Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни (д. Гадыши Валдайского у. Новгородской г.). Ч. 2. Старый и новый быт (социальные навыки). Ленинград; Москва: Государственное издательство, 1925. С. 30.

⁵² Итоги смотра и проведения районных и окружной конференции групп бедноты по Тамбовскому Округу // ГАСПИТО. Ф. П–855. Оп. 1. Д. 81. Л. 11.

вывозить хлеб только при наличии потребности в промышленных товарах и деньгах⁵³.

Общекрестьянская солидарность проявлялась в среде активистов даже на пороге сплошной коллективизации. В июне 1929 г. на конференции групп бедноты Сосновского района крестьянин Ширяков заявлял: «Все как-то имеют привычку считать крестьянина трудящегося и все копающего в земле – частным собственником. Это, по-моему, в корне не верно»⁵⁴.

Наличие среди части крестьян настроений сочувствия к зажиточным хозяевам не означало отсутствия острых классовых противоречий в деревне. Тема «кулацкого террора» была достаточно актуальной на собраниях активистов. В 1928 г. в Старо-Юрьевском районе, по словам бедняка Завьялова, кулаки зарезали лошадь у активиста, который создал товарищество по совместной обработке земли⁵⁵. В Хворостянском районе кулаки угрожали активистам убийством в случае лишения их избирательных прав⁵⁶. В конце 1929 г. на 2-й окружной конференции в городе Козлов крестьянин, работавший в сельском совете и в комиссии по хлебозаготовкам, жаловался, что у него кулаки сожгли ригу. Старо-Юрьевский районный исполнительный комитет отказал крестьянину в помощи вследствие того, что строение принадлежало его сыну⁵⁷.

Крестьяне-активисты на конференциях агитировали за скорейшую коллективизацию, но вступали в колхозы не столько по экономическим причинам, сколько из опасения потерять занимаемую должность. Немногочисленные коллективные хозяйства вызывали опасения у крестьян-прагматиков, привыкших к мелкому семейно-трудовому хозяйству. Экономическое положение многих колхозов в конце 1920-х годов оставляло желать лучшего. В 1929 г. на конференции бедноты в Избердиевском районе (Козловский округ) крестьянин Марков признавал, что

наш колхоз, организованный из одних только бедняков, не имеющий ничего из имущества, представлял из себя жуткое нищенство⁵⁸.

⁵³ Выводы по материалам П.–Марфинского района в части проверки выполнения решений XV съезда партии // ГАСПИТО. Ф. П–855. Оп. 1. Д. 87. Л. 98.

⁵⁴ Протокол конференции групп бедноты Сосновского Района от 19–20 июня 1929 года // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 310. Л. 105.

⁵⁵ Протоколы районных конференций групп бедноты 15 марта – 19 декабря 1929 года // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 132. Л. 15.

⁵⁶ Там же. Л. 8.

⁵⁷ Протоколы районных конференций групп бедноты 15 марта – 19 декабря 1929 года // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 307. Л. 3.

⁵⁸ Районная конференция бедноты Избердеевского района Козловского округа 8 декабря 1929 года // ГАСПИТО. Ф. П–835. Оп. 1. Д. 307. Л. 39.

Заключение

В конце 1920-х годов у активистов поколения «революционного перелома» наблюдается падение интереса к личному трудовому хозяйству. На первый план выходит стремление получить оплачиваемую должность, ради чего было необходимо проявлять солидарность с действиями властей. Экономические трудности мелкого индивидуального хозяйства вырабатывали негативное отношение активистов к более успешным односельчанам. Эгалитаристские настроения крестьян-активистов были тем фактором, который использовала власть для разжигания классовой борьбы в деревне.

Среди активистов особую роль играли выходцы из беднейших слоев крестьянства. Представители групп бедноты открыто выражали желание стать доминирующей силой в деревне. Для участников этих объединений было характерно критическое отношение к низовому бюрократическому аппарату, недовольство уровнем государственной поддержки, стремление к уравнительству.

Активисты, начинавшие свой трудовой путь, не имея собственного хозяйства, проявляли отрицательное отношение к частной собственности. Работа в городе, бедность, пропаганда классовой вражды были благоприятной почвой для нарастания экстремистских настроений. Важным фактором в формировании общественно-политических взглядов крестьян поколения «революционного перелома» было участие в Первой мировой и Гражданской войнах. Пройдя через тяжелейшие испытания на фронте, активисты привнесли практику насилия в повседневную жизнь.

Именно крестьяне поколения «революционного перелома» наряду с радикализированной молодежью стали опорой политики партии в деревне. Исполнение мелких бюрократических обязанностей способствовало коммунистической индоктринации сельского актива. В то же время будет преувеличением говорить о полном забвении традиционных крестьянских ценностей у активистов. Чрезмерное давление партии на крестьян вызывало поддержку лишь у маргинализированной части актива. Значительная часть бедных крестьян выступала против усиления хлебозаготовок и репрессий в отношении зажиточной части деревни.

Introduction

In the late 1920s, the country was going through a turning point in its development: the period of the NEP was coming to an end and the stage of forced industrialization and collectivization was beginning. Understanding such complex processes is impossible without a reference to generational history and consideration of socio-political attitudes of the population. Therefore, the relevance of studying the most active social groups in the period preceding “the great turn” in the Soviet village is indubitable.

The theoretical paradigm of the study is based on the concept of the generation of “revolutionary turn” proposed by sociologist Yu. Levada.¹ The author agrees with a number of contemporary historians who believe that the chronological framework of the age of this generation should be expanded.² A similar view was held by T. Shanin, one of the founders of peasant studies. He wrote about the peasant children who went through the dramatic events of 1905–07 and later became soldiers during the First World War. According to the historian, it was this generation that decided the fate of the Civil War by refusing to support the White Movement.³ The article considered the period of 1928–29 when the representatives of the revolutionary turn generation were 25–40 years old. Thus, the “heroes” of this study were born in 1888–1903, which corresponds to the concept of Yu. Levada.

The source base of the study comprises the materials from the collections of the State Archive of Socio-Political History of Tambov Oblast (GASPITO), in particular, questionnaires of those who wanted to join the party and participants in the conferences of the groups of the poor. The author analyzed transcripts and other materials of okrug and raion conferences of the poor as well as documents of party organizations. The materials from Tambov Okrug and Kozlovsk Okrug, which were typical agrarian regions, were used. The conclusions obtained can be extrapolated to a certain extent to the whole of the Central Black Earth Region.

Peasants who were included in the system of power or public organizations should be considered activists of the NEP period. Representatives of the authorities included

¹ Yu.A. Levada, “Generations of the 20th Century: Research Opportunities” [In Russian], in *Fathers and Children: Generational Analysis of Contemporary Russia*, comp. Yu.A. Levada, and T. Shanin (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2005), 39–60.

² D.A. Safonov, “Peasant Generation of the ‘Revolutionary Turning Point’: The Beginning of its Formation” [in Russian], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 28, no. 3 (2023): 675, <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-673-688>; A.A. Slezin, and K.A. Yakimov, “Public Sentiment among Peasantry of ‘Revolutionary Turning Point’ Generation at the Turn of 1920s–1930s” [in Russian], *Nauchnyi dialog*, vol. 11, no. 8 (2022): 453–69, <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469>

³ T. Shanin, “History of Generations and Generational History of Russia” [in Russian], *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, no. 3 (2005): 10.

party members, deputies of village councils, and various plenipotentiaries. Participants in public organizations (Komsomol, groups of the poor, the KKOVA (Peasant Committees of Social Public Mutual Aid) and others) enjoyed considerable influence: In this study, the author limited himself to reviewing the sources on the members of rural party cells, peasants who applied to join the VKP(b), and participants in conferences of the groups of the poor. Such a sample allows us to draw an objective portrait of a typical peasant activist.

The materials of the fonds of the Tambov and Kozlov okrug committees of the VKP(b) were used to compile databases of activists of the revolutionary turn generation. For the convenience of work, the information was entered into tables. The information on more than 1000 peasant activists was analyzed. Cohort analysis was applied, which allowed us to establish the education, social status, and level of economic development of peasants of this generation. Of particular interest is the column “Work and Occupation since the Age of 16,” which is a brief biography of a peasant. Possible distortions of information that candidates could resort to in order to join the party do not affect the overall picture of the life path of rural activists.

The topic of rural activists has been widely studied in Russian historiography. The issue of nominees, workers of grassroots party and social structures during the NEP period, was touched upon in the works of modern historians Kh. Okuda,⁴ S. Kuznetsov,⁵ and V. Il'inykh.⁶ The problem of social status of poor and marginalized peasants in the 1920s was studied in the works by I. Goncharova⁷ A. Fedotov⁸ and S. Esikov.⁹ The role of rural activists in the implementation of grain

⁴ Kh. Okuda, “From the Plow to the Briefcase: Village Communists and Komsomol Members in the Process of Depeasantization (1920s – Early 1930s)” [in Russian], in *History of Stalinism: Outcomes and Problems of Study: Proceedings of the International Scientific Conference* (Moscow, December 5–7, 2008) (Moscow: ROSSPEN, Fond “Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina”, 2011), 495–528.

⁵ I.S. Kuznetsov, *On the Way to the “Great Turn.” People and Customs of the Siberian Village in the 1920s (Psycho-Historical Essays)* [in Russian] (Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, 2001).

⁶ V.A. Il'inykh, “Social Mobility of Siberian Peasantry in the 1920s: Stages and Tendencies” [in Russian], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 4 (61) (2018): 128–34.

⁷ I.V. Goncharova, “The Poor in the Lens of Social Policy of Power in the End of the 1920th (on the Example of the Orel Province)” [in Russian], *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 3–2 (37) (2010): 20–24.

⁸ A.V. Fedotov, “The Poor in the Pre-Collective Farm Village: Who Were They? (An Attempt of Regional Study Based on the Materials from Tula Governorate)” [in Russian], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, no. 2 (2011): 51–56.

⁹ S.A. Esikov, *Peasant Farming in Tambov Governorate during the NEP Years (1921–1928)* [in Russian] (Tambov: Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2004).

procurement in 1928–29 was analyzed by V. Kondrashin¹⁰ and V. Filatov.¹¹ Some aspects of this subject were considered in the works by foreign scholars M. Lewin,¹² R. Davies,¹³ O. Figes,¹⁴ Sh. Fitzpatrick,¹⁵ and Ch. Worobec.¹⁶ However, the generational aspect of the activist movement in the village remains an understudied topic.

Main Body

The party cell, which consisted primarily of local peasants, was the backbone of Soviet power in the village. At the end of the NEP period, this element of the party structure existed only in a small number of settlements in the Central Black Earth Region. For example, a questionnaire survey of peasant communists in Kozlov Okrug of the Central Black Earth Region done in the fall of 1928 covered only 533 people or 73% of the VKP(b) members.

The analysis of the questionnaire data of communists by age reveals the predominance of the revolutionary turn generation in rural cells (see the table). Peasants of 25 to 40 years old (352 people, or 66%) constituted the major group. Representatives of this age cohort prevailed on all “floors” of the organization: of the raion committee members, they constituted 67.7%; of bureau members, 69.1%; of ordinary members, 65.2%. The insignificant number of older farmers in the structure of the VKP(b) attracts attention. In fact, it was the representatives of the revolutionary turn generation and the youth, to a lesser extent, who played the leading role in rural party organizations.

¹⁰ V.V. Kondrashin, “On the Eve of Total Collectivization: 1928–1929 in the Soviet Village” [in Russian], in *Economic History. A Yearbook. 2022*, ed. Yu.A. Petrov (Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2023), 280–309.

¹¹ V.V. Filatov, “Participation of Local Soviet Bodies of the Ural Region in the Repression against Peasants on the Eve of Collectivization” [in Russian], *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*, vol. 2, no. 3 (2018): 29–36.

¹² M. Lewin, *Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization* (New York: W.W. Norton & Company, 1975).

¹³ R.W. Davies, *The Socialist Offensive: The Collectivisation of Soviet Agriculture, 1929–1930* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980).

¹⁴ O. Figes, *A People’s Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924* (London: Pimlico, 1997).

¹⁵ Sh. Fitzpatrick, *Education and Social Mobility in the Soviet Union 1921–1934* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979).

¹⁶ Ch. Worobec, *Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991).

Table

The Age of Kozlov Peasants Who Were Communists in 1928¹⁷

Groups	Age				
	Total	From 20 to 25 years of age	From 26 to 40 years of age	From 40 to 50 years of age	Older than 50 years
Members of raion committees	62	14	42	6	–
Members of the cells' bureaus	68	13	47	7	1
Ordinary members	403	101	263	31	8
Total	533	128	352	44	9

As a rule, the party experience of rural communists was short. A survey of the VKP(b) members in Kozlov Okrug of the Central Black Earth Region showed that the majority of them were members since 1925 and even shorter. There were 405 such communists, or 76%. Among the ordinary members of the Party this index was 81.6%.¹⁸ Growth in the number of rural cells was largely connected with the course of “facing the village,” which was proclaimed in 1925. The Communists “from the plow” who joined the Party during the NEP period did not have sufficient experience and authority for independent activity, so they were obedient executors of the will of the country’s leadership.

The majority of rural communists in the Kozlov Okrug were not successful landlords, which well corresponded to the party’s policy in the village. “Growing homestead” of a party member was considered a dangerous phenomenon. Communist families were traditionally large: 65% of them included 5 or more people. However, in terms of the number of laborers, families with 1–2 laborers prevailed (72%). One person was generally entitled to 1–1.5 dessiatinas of land. There were 79 % of such homesteads.¹⁹ According to the classification of economist A. Khryashcheva, the plots from 2 to 6 dessiatinas were classified as small-sown in the producing regions.²⁰

¹⁷ “Itogi anketnogo obsledovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo sostoyaniya kommunistov-krest'yan i ikh uchastiya v kolkhoznom stroitel'stve po Kozlovskomu Okrugu po sostoyaniyu na 1.10.1928 goda” [Results of a questionnaire survey of the socio-economic status of communist peasants and their participation in collective farm construction in Kozlov Okrug as of October 1, 1928]. F. P–835, op. 1, d. 140, l. 8. Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii Tambovskoi oblasti [State Archive of Socio-Political History of Tambov Oblast] (GASPIITO), Tambov, Russia.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid., l. 9.

²⁰ A.I. Khryashcheva, *Groups and Classes in Peasantry* [in Russian] (Moscow: TsSU Soyuz SSR, 1926), 87.

77% of farmers adhered to the traditional and unproductive three-field system.²¹ Thus, the overwhelming majority of communists could not adequately provide for their families due to the weakness of their farms. Such poor families often stopped tilling the soil at all. The economic inefficiency of the farms of communists from the village environment had a negative impact on the authority of party members among the villagers. The attitude towards officials was even worse; Kh. Okuda rightly noted that "the peasants saw in the actions of the officials who carried 'briefcases' the manifestation of the non-peasant and the even anti-peasant."²²

The economic weakness of communist farms was also manifested in their insufficient technical equipment. There were 50.2% of peasant members of the VKP(b) aged between 25 and 40 without horses; 38% had one horse.²³ The economic insolvency of rural communists is evidenced by the presence among them of 44% of farms with no equipment; 35% used a primitive plow.²⁴ These figures are comparable with the data on peasants of Kozlov Okrug. In 1928, 47.9% of farmers in the region did not have a horse, and 47.2% had only one horse.²⁵ In the same year, there were 42.8 plows per 100 farms in the okrug.²⁶ The number of party members who used the plow was less than the regional average. In addition to farming, 48.2% of communists received income from service.²⁷ Despite economic weakness, by the fall of 1928 only 25.4% of communist peasants of the revolutionary turn generation had joined collective farms.²⁸ In addition to the insignificant number of collective farms, it was explained by peasant pragmatism, which was expressed in distrust of everything new.

²¹ "Itogi anketnogo obsledovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo sostoyaniya kommunistov-krest'yan i ikh uchastiya v kolkhoznom stroitel'stve po Kozlovskomu Okrugu po sostoyaniyu na 1.10.1928 goda" [Results of a questionnaire survey of the socio-economic status of communist peasants and their participation in collective farm construction in Kozlov Okrug as of October 1, 1928]. F. P-835, op. 1, d. 140, l. 10. GASPITO.

²² Okuda, "From the Plow to the Briefcase," 502.

²³ "Itogi anketnogo obsledovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo sostoyaniya kommunistov-krest'yan i ikh uchastiya v kolkhoznom stroitel'stve po Kozlovskomu Okrugu po sostoyaniyu na 1.10.1928 goda" [Results of a questionnaire survey of the socio-economic status of communist peasants and their participation in collective farm construction in Kozlov Okrug as of October 1, 1928]. F. P-835, op. 1, d. 140, l. 14. GASPITO.

²⁴ Ibid.

²⁵ *The Central Black Earth Region. A Digest of Statistics* (Voronezh: Oblstatotdel, 1929), 175.

²⁶ *The Central Black Earth Region*, 174.

²⁷ "Itogi anketnogo obsledovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo sostoyaniya kommunistov-krest'yan i ikh uchastiya v kolkhoznom stroitel'stve po Kozlovskomu Okrugu po sostoyaniyu na 1.10.1928 goda" [Results of a questionnaire survey of the socio-economic status of communist peasants and their participation in collective farm construction in Kozlov Okrug as of October 1, 1928]. F. P-835, op. 1, d. 140, l. 14. GASPITO.

²⁸ Ibid.

By 1929, the tendency of the country’s leadership to depart from the principles of the NEP had become evident. In the course of grain procurement, there were violations of the basic principle established in 1921, which consisted in the right of peasants to dispose of the produce they grew. The government greatly increased the pressure on peasants to make them join collective farms. Under such conditions, farmers who supported the government’s anti-peasant policy joined the rural cells of the VKP(b).

On joining the party, a peasant had an opportunity to move up the social elevator with the prospect of getting a paid position in the future. The party mainly accepted the poor and low-capacity middle-income peasants as well as the laborers who were considered to be the social stratum closest to the working class. The admission of peasants with little education but with a “correct” class position contributed to the radicalization of rural cells and the simultaneous growth of “parasitical sentiments.”

Among the peasants of the revolutionary turn generation from Kozlov Okrug of the Central Black Earth Region who applied to join the party in 1929, literate peasants prevailed (86.3%); the rest were semi-literate or illiterate. However, judging by the questionnaires, the literacy of the majority of candidates left much to be desired. This is evidenced by numerous spelling mistakes. Only 14% of the peasants who joined the party were engaged in individual farming. Despite intensified agitation, the number of laborers and shepherds who applied for joining the party was small (8.9%). At the time of application, more than half of the candidates (53%) were members of various collective farms.²⁹ According to the data of I. Vareikis, the first secretary of the oblast committee, 7.7% of peasant farms had been collectivized by October 1, 1929 in the Central Black Earth Region.³⁰ Thus, the share of those wishing to become Party members among collective farmers was significantly higher than among those running their own farms. The propaganda of the advantages of collective farming, as well as the promise of substantial benefits from the government, to which the poor were already accustomed, influenced the change in the peasants’ life patterns. Obviously, the collective farmers’ aspiration to become members of the ruling party was connected with the desire to overcome poverty, to leave the occupation of farming, and to obtain a “briefcase.”

²⁹ “Ankety vstupayushchikh v chleny VKP(b) v Kozlovskom okruge v 1929 godu” [Questionnaires for those joining the VKP(b) in Kozlov Okrug]. F. P–835, op. 1, d. 273, ll. 1–205. GASPITO; “Ankety vstupayushchikh v chleny VKP(b) v Kozlovskom okruge v 1929 godu” [Questionnaires for those joining the VKP(b) in Kozlov Okrug]. F. P–835, op. 1, d. 274, ll. 1–189. GASPITO.

³⁰ V. Danilov, R. Manning, and L. Viola, *Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dekulakization. Documents and Materials* [In Russian], vol. 2, November 1929 – December 1930 (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN)), 225.

The study of the database shows that the overwhelming majority of peasant activists (85.5%) who joined the VKP(b) had land but were exempted from paying agricultural tax. Only 12.3% of the villagers paid the state an average of 3 to 7 rubles. The owners of such small plots of land had no economic opportunity to overcome poverty, so they willingly joined the party in the hope of improving their quality of life. In addition to farming, 15.9% of peasants held the positions of chairmen and members of village councils, employees of consumer cooperative societies and the KKOv.

A typical example of an activist from the revolutionary turn generation was K. Kodyakin (b. 1900), a native of Sleslavinskii Raion. From the age of 10 to 15 the peasant was a shepherd, at the age of 15 he became a laborer, then in 1918 he started service in the Red Army. After demobilization in 1924, he worked as a village watchman for several years until he got his own farm. But by 1928 Kodyakin had left farming and became a wholesale buyer in the Consumer Society.³¹

Older members of this generation had time to serve in the old army. For example, A. Kondrashev (b. 1894), was born in Sleslavinskii Raion and began his labor activity as a sharecropper; then in 1915–17 he fought in the First World War. After returning from the war, he managed to become an individual farmer, but in 1918 he was mobilized (or volunteered) in the Red Army. From 1921 Kondrashev was engaged in farming again.³² It is noteworthy that many peasant laborers were able to start an individual farm after the revolution, which was facilitated by the "communal revolution" that led to the redistribution of land. The huge demographic losses during the wars and the revolution were also of great importance.

A significant part of the peasants who participated in the revolutionary events chose the career of an official after the return to peaceful life. For instance, I. Koltyukov (b. 1896) was engaged in farming in 1906–15; from 1915, he served in the tsarist army and from 1918, in the Red Army. The future activist became chairman of the village council in 1922, chairman of the KKOv in 1925, head of the raion KKOv in 1927.³³ A significant part of the peasants who participated in the revolutionary events chose the career of an official after the return to peaceful life. For instance, I. Koltyukov (b. 1896) was engaged in farming in 1906–15; from 1915, he served in the tsarist army and from 1918, in the Red Army. The future activist became chairman of the village council in 1922, chairman of the KKOv in 1925, head of the raion KKOv in 1927. A native of Kozlov Raion M. Dubovitsky (b. 1894) worked as a digger before the war. From 1915 to 1918 he fought in the old army.

³¹ "Ankety vstupayushchikh v chleny VKP(b) v Kozlovskom okruge v 1929 godu" [Questionnaires for those joining the VKP(b) in Kozlov Okrug]. F. P-835, op. 1, d. 274, l. 41. GASPITO.

³² *Ibid.*, l. 69.

³³ *Ibid.*, l. 101.

After a short respite in 1918 (during this period he was a woodcutter), he joined the Red Army, where he served until 1922. After two years of work in his farm, Dubovitsky became a member of the VIK, then chairman of the K KOV and instructor for the collection of agricultural tax.³⁴ The prioritization of party activities in the life of an activist peasant usually led to the decline of his own farm, which caused a negative attitude towards him on the part of his fellow villagers.

Familiarization with urban life was an important factor in shaping the outlook of the peasants of the age group under study during the years of revolutionary upheavals. Familiarization with urban life was an important factor in shaping the outlook of the peasants of the age group under study during the years of revolutionary upheavals. Unusual living conditions, material difficulties, and often revolutionary propaganda contributed to the radicalization of young villagers' views. For instance, having worked as a shepherd and a laborer in Sosnovskii Raion, in 1914 V. Zabolotnikov (b. 1897) moved to Donbas where he became a miner. After serving in the tsarist and Red Army, he returned to the village, where he received his land allotment. In 1926, the literate peasant joined the Consumer Society, and two years later he applied for admission to the party.³⁵ The career of S. Epifanov (b. 1893) is an example of a typical biography of an activist. Initially, he was a shepherd, then in 1908 he became a worker at a brickyard and after that at a mine. Like many members of his generation, after participating in World War I and the Civil War, he returned to his village and became chairman of the village council in 1924. Apparently, he did not connect his life with farming, worked as a forester and then as chairman of the board of the Consumer Cooperative Society.³⁶ Experience of work in the city was a positive factor in both admission to the party and appointment to official positions in the village.

An analysis of the questionnaire data of party candidates from among the representatives of the revolutionary turn generation allows us to draw up a typical biography of a rural activist. 67 % of activists began their career as farmhands or shepherds; only 32.7 percent of them started working on their own farms. 82.7% of peasants participated in World War I and the Civil War. At the beginning of the NEP, most of them started their own farms, but by 1928 they had already left farming either by joining collective farms or by entering the service. The peasant of this generation was a typical "man with a gun" who determined the fate of the country during the crucial years of the revolution and civil war.

³⁴ "Ankety vstupayushchikh v chleny VKP(b) v Kozlovskom okruge v 1929 godu" [Questionnaires for those joining the VKP(b) in Kozlov Okrug]. F. P-835, op. 1, d. 273, l. 54. GASPITO.

³⁵ Ibid., l. 113.

³⁶ Ibid., l. 78.

Groups of the poor began to be created after the resolution of the October 1925 plenum of the Central Committee of the RKP(b). The party decided to create special groups of the poor in villages, volosts, and raions. The purpose of the new associations was to practically defend the interests of the poorest part of the peasantry in village councils, cooperative societies, peasant committees, etc. Contemporary researcher I. Kuznetsov believes that “it was justified to unite them [the poor strata] in one or another organization to protect their interests. A different matter is the desire to turn the marginalized, least cultured part of the rural population into a political leader.”³⁷ Formally, the purpose of the groups of the poor was to strengthen the alliance with the middle classes, but in practice their creation exacerbated the class struggle in the village.

The database of participants in the okrug conferences of the poor of Kozlov Okrug of the Central Black Earth Region in 1928–29 shows that 59.8% of them belonged to the revolutionary turn generation. A significant part of the delegates were representatives of the grassroots Soviet bodies (74.6%).³⁸ Thus, although directly connected with the grain farming, peasants at the conferences were the spokesmen for the interests of the small village bureaucracy.

The lumpenized elements of the village between 25 and 40 years of age were widely represented at the conferences of the poor: 33.6% of the participants had only a hut. 72.4% of peasants were exempted from agricultural tax, while the rest were charged symbolic amounts. Half of the participants (54.1%) cultivated land by their own labor; 34%, by rented or hired labor. The rest of the activists worked in a collective or had no land plot.

One of the main tasks of the party’s policy in the village was to help small peasant farms. In 1928–29, 34.9% of the village activists received soft loans. These were mostly small sums to buy a plow or timber and to cultivate the land. Larger loans of 100–150 roubles for the purchase of a horse and a cow were quite rare. Almost all peasant activists participated in consumer cooperation (93%), which was facilitated by various benefits for the poor. In general, state support for the poor was

³⁷ I.S. Kuznetsov, “The Rich and the Poor: Views of the Siberian Peasantry of the 1920s on Social Differences” [in Russian], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija*, vol. 1, iss. 3 (2002): 55–62, accessed January 8, 2024, <https://zaimka.ru/kuznetsov-gap/>

³⁸ “Ankety delegatov 1-i okružnoi konferentsii grupp bednoty Kozlovskogo okruga 13–14 dekabrya 1928 goda” [Questionnaires of the delegates to the first okrug conference of the groups of the poor in Kozlov Okrug on December 13–14, 1928]. F. P–835, op. 1, d. 133, ll. 1–123. GASPITO; “Ankety delegatov 2-i okružnoi konferentsii grupp bednoty Kozlovskogo okruga 21–23 dekabrya 1929 goda” [Questionnaires of the delegates to the first okrug conference of the groups of the poor in Kozlov Okrug, December 21–23, 1929]. F. P–835, op. 1, d. 308, ll. 1–149. GASPITO.

insufficient, which is why the party leadership saw the solution to this problem in the transition to collective farming methods.

Despite the fact that the majority of activists were literate, only 57% of peasants subscribed to any newspapers. The most popular newspapers were *Krest'yanskaya gazeta* [Peasant newspaper], *Nasha Pravda* [Our truth], *Bednota* [The poor], and *Batrak* [The laborer].

It is well known that peasants leave very few “written traces” that allow us to analyze their spiritual world. The extant documents on the groups of the poor from the party archive allow us to partially fill this gap. The socio-political views of activists who came from poor peasants are reflected in the materials of the conferences held in 1928–29. The verbatim records of the participants’ speeches were not intended for widespread use, so they are a reliable source of information.

Among the groups of the poor there was a desire to monopolize power in the village on the model of the Committees of the Poor of the Civil War. In November 1928, at the raion conference of the groups of the poor of Lev-Tolstovskii Raion, the debates expressed the opinion that “being representatives of the government, the poor would fully implement the laws of the government and protect the interests of the population.”³⁹ In response to such sentiments, the party reminded that the groups of the poor were a public organization. The country’s leaders understood the danger of the emergence of a new center of power in the village. At the end of 1928, this issue was clarified at the 1st conference of the poor of the Kozlov Okrug:

The groups of the poor are not the main authority in the village; they influence the authorities; all issues put forward by the groups of the poor should be pursued by the corresponding bodies of authority.⁴⁰

Peasant-activists of the revolutionary turn generation were very critical of the condition of the party and state apparatus in the village. At a general meeting of the poor of Kirsanovskii Raion of Tambov Okrug, one participant frankly stated that “the Soviet rule is good, but its apparatus is bad.”⁴¹ In December 1928, another delegate said at the first okrug conference of the groups of the poor in Tambov:

³⁹ “Protokol 1-oi okruzhnoi konferentsii grupp bednoty Kozlovskogo okruga 13–14 dekabrya 1928 goda” [Minutes of the first okrug conference of the groups of the poor in Kozlov Okrug on December 13–14, 1928]. F. P–835, op. 1, d. 132, l. 111. GASPITO.

⁴⁰ Ibid., l. 20.

⁴¹ “Obshchie sobraniya bednoty Vyachkinskogo Obshchestva i Sel'soveta Kirsanovskogo raiona” [General meetings of the poor of Vyachkinskii Community and Soviet of the Villages of Kirsanovskii Raion]. F. P–855, op. 1, d. 87, l. 59.

It is necessary to put good party members in power. Now there are old people [kulaks and White Guards] in power, standing at the head. Acquaintances and protégé are of tremendous importance.⁴²

Peasants expressed dissatisfaction with the quality of the inspection of village councils because instructors “went to the chairman and make friends with him first of all.”⁴³ There was an acute shortage of party members in the village. For instance, in Khvorostyanskii Raion there was not a single VKP(b) member among the population of 6,000 people.⁴⁴

Poor people were particularly indignant at the aspiration of party members to a prosperous life. In 1929, Grebennikov, a delegate from Dobrovskii Raion, was indignant that “party member Tret'yakov led the line to his own enrichment, rented land, received loans.”⁴⁵

At a conference of the groups of the poor in Kozlov Okrug in 1928, activist Kornev from Shekhmanskii Raion expressed dissatisfaction with the amount of state aid, “They give a poor man a loan of 5 rubles, and a month later they demand it back.”⁴⁶ At the conference of the poor in Gryazninskaya Volost, female peasant Kochetkova said, “The poor were not given money for support, and therefore they cannot cultivate their land.”⁴⁷

Hostility to the wealthy strata of the population or the kulaks was a common feature of the worldview of peasant activists. But even among them there were speeches in defense of the kulaks. For example, representative of Bondarskii Raion Shchikin said, “They talk a lot about the kulaks, but there are no kulaks in the village, and those who have three horses are not kulaks.”⁴⁸ At a meeting of the poor in Algasovskii Raion, peasants said, “You want to set us against the kulak, but how will

⁴² “Protokol 1-oi okruzhnoi konferentsii grupp bednoty Tambovskogo okruga 13–14 dekabrya 1928 goda” [Minutes of the first okrug conference of the groups of the poor in Tambov Okrug on December 13–14, 1928]. F. P–855, op. 1, d. 81. l. 11. GASPITO.

⁴³ “Protokol 1-oi okruzhnoi konferentsii grupp bednoty Kozlovskogo okruga 13–14 dekabrya 1928 goda” [Minutes of the first okrug conference of the groups of the poor in Kozlov Okrug on December 13–14, 1928]. F. P–835, op. 1, d. 132, l. 8. GASPITO.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ “Protokol 2-oi okruzhnoi konferentsii grupp bednoty Kozlovskogo okruga 21–23 dekabrya 1929 goda” [Minutes of the second okrug conference of the groups of the poor in Kozlov Okrug on December 21–23, 1929]. F. P–835, op. 1, d. 307, l. 13. GASPITO.

⁴⁶ Ibid., l. 4.

⁴⁷ “Doklad ob obsledovanii raboty s bednotoi v Inzhavinskom raione” [Report on surveying the work with the poor in Inzhavinskii Raion]. F. P–855, op. 1, d. 82, l. 74. GASPITO.

⁴⁸ “Protokol 1-oi okruzhnoi konferentsii grupp bednoty Tambovskogo okruga dekabr' 1928 goda” [Minutes of the first okrug conference of the groups of the poor in Tambov Okrug, December 1928]. F. P–855, op. 1, d. 81. l. 19. GASPITO.

we live without a kulak, we will have nowhere to get bread, since the cooperative will not give us any.”⁴⁹ In Kamenka (Rzhaksinskii Raion), a poor man said, “The well-to-do should also be given loans.”⁵⁰ According to ethnographer M. Fenomenov, the attitude of the majority of the poor to the kulaks was reduced to the proverb “Do not fight with the strong, do not sue the rich.”⁵¹ In general, it can be argued that the ruin of the affluent strata of the population in the late 1920s objectively worsened the economic situation of the poor. Under the conditions of clearly insufficient state support, “the rich” in the village were the “last hope” of the poor strata.

At conferences, activists constantly drew attention to the poor people’s speeches in favor of the affluent strata of the village on the issues of grain procurement, self-taxation, and collectivization. In 1928, Kozlovskii, a poor man from Sampurskii Raion of Tambov Okrug, was indignant, “Bread procurement does not differ in any way from the old one. After all, we poured it to the landlord back then and now we pour it to the state.”⁵² Widespread became the phenomenon when rich peasants gave bread to the poor “for storage.” In 1928, the communists of Pokrovo-Marfinskii Raion (Tambov Okrug) recognized that peasants were willing to export bread only if there was a need for industrial goods and money.⁵³

All-peasant solidarity was manifested among the activists even on the eve of total collectivization. At a conference of the groups of the poor in Sosnovskii Raion in June 1929, peasant Shiryakov stated, “Everybody somehow has the habit of considering the peasant who toils and digs in ground a sole proprietor. This, in my opinion, is fundamentally wrong.”⁵⁴

⁴⁹ “Itogi smotra i provedeniya raionnykh i okruzhnoi konferentsii grupp bednoty po Tambovskomu Okrugu” [Results of the inspection of raion and okrug conferences of the groups of the poor in Tambov Okrug]. F. P–855, op. 1, d. 81, l. 102. GASPITO.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ M.Ya. Fenomenov, *The Contemporary Village. An Experiment in Local History Survey of one Village (the Village of Gadyshi, Valdai Uyezd of Novgorod Governorate)* [in Russian], pt. 2, *Old and New Everyday Life (Social Skills)* (Leningrad; Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925), 30.

⁵² “Itogi smotra i provedeniya raionnykh i okruzhnoi konferentsii grupp bednoty po Tambovskomu Okrugu” [Results of the inspection of raion and okrug conferences of the groups of the poor in Tambov Okrug]. F. P–855, op. 1, d. 81, l. 11.

⁵³ “Vyvody po materialam P. – Marfinskogo raiona v chasti proverki vypolneniya reshenii XV s"ezda partii” [Conclusions on the materials from P.–Marfinskii Raion in terms of the inspection of implementation of the 15th Party Congress’ decisions]. F. P–855, op. 1, d. 87, l. 98. GASPITO.

⁵⁴ “Protokol konferentsii grupp bednoty Sosnovskogo Raiona ot 19–20 iyunya 1929 goda” [Minutes of the conference of the groups of the poor in Sosnovskii Raion as of June 19–20, 1929]. F. P–835, op. 1, d. 310, l. 105. GASPITO.

The presence of sympathy for wealthy owners among some peasants did not mean the absence of sharp class contradictions in the village. The topic of “kulak terror” was quite relevant at the meetings of activists. According to poor man Zav'yalov, kulaks slaughtered a horse of an activist who had created a partnership for joint cultivation of land in the Staro-Yuryevskii Raion in 1928.⁵⁵ In Khvorostyanskii Raion, kulaks threatened activists with death if they were deprived of their voting rights.⁵⁶ At the second raion conference in the town of Kozlov at the end of 1929, a peasant who worked in the village council and in the commission for grain procurement complained that kulaks had burned his barn. The Staro-Yuryevskii Raion Executive Committee refused to help the peasant because the building belonged to his son.⁵⁷

At conferences, peasant activists agitated for early collectivization, but they joined collective farms for fear of losing their positions rather than for economic reasons. The few collective farms were feared by pragmatic peasants accustomed to small family-labor farming. The economic situation of many collective farms in the late 1920s left much to be desired. At a conference of the poor in Izberdievskii Raion (Kozlov Okrug) in 1929, peasant Markov admitted that

our collective farm, organized only from the poor who have nothing in terms of property was terrible penury.⁵⁸

Conclusion

In the late 1920s, the activists of the revolutionary turn generation showed declining interest in personal labor household. The aspiration to obtain a paid position, for the sake of which it was necessary to show solidarity with the actions of the authorities, came to the fore. Economic difficulties of the small individual farm developed a negative attitude of activists towards more successful fellow villagers. The egalitarian sentiments of peasant activists were a factor used by the authorities to foment class struggle in the village.

Those who came from the poorest strata of the peasantry played a special role among the activists. Representatives of the groups of the poor openly expressed their

⁵⁵ “Protokoly raionnykh konferentsii grupp bednoty 15 marta – 19 dekabrya 1929 goda” [Minutes of the raion conferences of groups of the poor on March 15 – December 19, 1929]. F. P-835, op. 1, d. 132, l. 15. GASPITO.

⁵⁶ *Ibid.*, l. 8.

⁵⁷ “Protokoly raionnykh konferentsii grupp bednoty 15 marta – 19 dekabrya 1929 goda” [Minutes of the raion conferences of groups of the poor on March 15 – December 19, 1929]. F. P-835, op. 1, d. 307, l. 3. GASPITO.

⁵⁸ “Raionnaya konferentsiya bednoty Izberdeevskogo raiona Kozlovskogo okruga 8 dekabrya 1929 goda” [Raion conference of the poor of Izberdeevskii Raion in Kozlov Okrug]. F. P-835. op. 1, d. 307, l. 39. GASPITO.

desire to become the dominant force in the village. The participants in these associations were characterized by a critical attitude towards the lower bureaucratic apparatus, dissatisfaction with the level of state support, and a desire for equalization.

Activists who started their career without owning their own farm showed a negative attitude towards private property. Work in the city, poverty, and propaganda of class hostility provided breeding ground for the growth of extremist sentiments. An important factor in shaping the socio-political views of the peasants of the revolutionary turn generation was their participation in the First World War and the Civil War. Having gone through the hardest trials at the front, the activists brought violent practices into everyday life.

Along with the radicalized youth, it was the peasants of the revolutionary turn generation who became the mainstay of the party’s policy in the countryside. The performance of minor bureaucratic duties contributed to the communist indoctrination of rural activists. At the same time, it would be an exaggeration to talk about the complete oblivion of traditional peasant values among activists. Excessive pressure of the party on peasants was supported only by the marginalized part of the activists. A significant part of the poor peasants opposed the intensification of grain procurements and repression against the well-to-do part of the village.

Список литературы

Гончарова И.В. Беднота в объективе социальной политики власти в конце 1920-х гг. (на примере Орловской губернии) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3–2 (37). С. 20–24.

Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921–1928 гг.). Тамбов: Издательство Тамбовского государственного технического университета, 2004. 118 с.

Ильиных В.А. Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х – 1920-е гг.: критерии, тенденции, факторы // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 128–134.

Кондрашин В.В. Накануне сплошной коллективизации: 1928–1929 гг. в советской деревне // Экономическая история: ежегодник. 2022 / под редакцией Ю.А. Петрова. Москва: Институт российской истории РАН, 2023. С. 280–309.

Кузнецов И.С. Богатые и бедные: взгляды сибирского крестьянства 1920-х гг. на социальные различия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2002. Т. 1, вып. 3. С. 55–62. URL: <https://zaimka.ru/kuznetsov-gap/> (дата обращения: 08.01.2024).

Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психоисторические очерки). Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2001. 235 с.

Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / составители Ю.А. Левада, Т. Шанин. Москва: Новое литературное обозрение. 2005. С. 39–60.

Окуда Х. От сохи к портфелю: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы Международной научной конференции (Москва, 5–7 декабря 2008 г.). Москва: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 495–528.

Сафонов Д.А. Крестьянское поколение «революционного перелома»: начало становления // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28, № 3. С. 673–688. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-673-688>

Слезин А.А., Якимов К.А. Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920–1930-х гг. // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 8. С. 453–469. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469>

Федотов А.В. Бедняки в доколхозной деревне: кто они? (опыт регионального исследования по материалам Тульской губернии) // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 2. С. 51–56.

Феноменов М.Я. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни (д. Гадыши Валдайского у. Новгородской г.): в 2 ч. Ч. 2. Старый и новый быт (социальные навыки). Ленинград; Москва: Государственное издательство, 1925. 211 с.

Филатов В.В. Участие местных советских органов Уральского региона в репрессиях против крестьян накануне коллективизации // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2, № 3. С. 29–36.

Хрящева А.И. Группы и классы в крестьянстве. Москва: ЦСУ Союза ССР, 1926. 172 с.

Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6–25.

Davies R.W. *The Socialist Offensive: The Collectivisation of Soviet Agriculture, 1929–1930*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. 491 p.

Figes O. *A People’s Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924*. London: Pimlico, 1997. 923 p.

Fitzpatrick Sh. *Education and Social Mobility in the Soviet Union 1921–1934*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 355 p.

Lewin M. *Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization*. New York: W.W. Norton & Company, 1975. 541 p.

Worobec Ch. *Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. 257 p.

References

Davies, R.W. *The Socialist Offensive: The Collectivisation of Soviet Agriculture, 1929–1930*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.

Esikov, S.A. *Krest'yanskoe khozyaistvo Tambovskoi gubernii v gody nepa (1921–1928 gg.)* [Peasant farming in Tambov Governorate during the NEP years (1921–1928)]. Tambov: Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2004. (In Russian)

Fedotov, A.V. “Bednyaki v dokolkhoznoi derevne: kto oni? (opyt regional'nogo issledovaniya po materialam Tul'skoi gubernii)” [The poor in the pre-collective farm village: Who were they? (an attempt of regional study based on materials from Tula Governorate)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, no. 2 (2011): 51–56. (In Russian)

Fenomenov, M.Ya. *Sovremennaya derevnya. Opyt kraevedcheskogo obsledovaniya odnoi derevni (d. Gadyshi Valdaiskogo u. Novgorodskoi g.)* [The contemporary village. An experiment in

local history survey of one village (the village of Gadyshi, Valдай Uyezd of Novgorod Governorate)], 2 pts. Pt. 2, *Staryi i novyi byt (sotsial'nye navyki)* [Old and new everyday life (social skills)]. Leningrad; Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. (In Russian)

Figes, O. *A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924*. London: Pimlico, 1997.

Filatov, V.V. “Uchastie mestnykh sovetskikh organov Ural'skogo regiona v repressiyakh protiv krest'yan nakanune kollektivizatsii” [Participation of local Soviet bodies of the Ural region in the repression against peasants on the eve of collectivization]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*, vol. 2, no. 3 (2018): 29–36. (In Russian)

Fitzpatrick, Sh. *Education and Social Mobility in the Soviet Union 1921–1934*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Goncharova, I.V. “Bednota v ob"ektive sotsial'noi politiki vlasti v kontse 1920-kh gg. (na primere Orlovskoi gubernii)” [The poor in the lens of social policy of power in the end of the 1920th (on the example of the Orel province)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 3–2 (37) (2010): 20–24. (In Russian)

Il'inykh, V.A. “Sotsial'naya mobil'nost' rossiiskogo krest'yanstva v kontse 1910-kh – 1920-e gg.: kriterii, tendentsii, faktory” [Social mobility of Siberian peasantry in the 1920s: Stages and tendencies]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 4 (61) (2018): 128–34. (In Russian)

Khryashcheva, A.I. *Gruppy i klassy v krest'yanstve* [Groups and classes in peasantry]. Moscow: TsSU Soyuza SSR, 1926. (In Russian)

Kondrashin, V.V. “Nakanune sploshnoi kollektivizatsii: 1928–1929 gg. v sovetskoii derevne” [On the eve of total collectivization: 1928–1929 in the Soviet village]. In *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik. 2022* [Economic history. A yearbook. 2022], edited by Yu.A. Petrov, 280–309. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2023. (In Russian)

Kuznetsov, I.S. “Bogatye i bednye: vzglyady sibirskogo krest'yanstva 1920-kh gg. na sotsial'nye razlichiya” [The rich and the poor: Views of the Siberian peasantry of the 1920s on social differences]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, vol. 1, iss. 3 (2002): 55–62. Accessed January 8, 2024. <https://zaimka.ru/kuznetsov-gap/> (In Russian)

Kuznetsov, I.S. *Na puti k “velikomu perelomu.” Lyudi i nruvy sibirskoi derevni 1920-kh gg. (Psikhoistoricheskie ocherki)* [On the way to the “great turn.” People and customs of the Siberian village in the 1920s (Psycho-historical essays)]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, 2001. (In Russian)

Levada, Yu.A. “Pokoleniya XX veka: vozmozhnosti issledovaniya” [Generations of the 20th century: Research opportunities]. In *Ottsy i deti: Pokolencheskii analiz sovremennoi Rossii* [Fathers and children: Generational analysis of contemporary Russia], comp. Yu.A. Levada, and T. Shanin, 39–60. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2005. (In Russian)

Lewin, M. *Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization*. New York: W.W. Norton & Company, 1975.

Okuda, Kh. “Ot sokhi k portfelyu: derevenskie kommunisty i komsomol'tsy v protsesse raskrest'yanivaniya (1920-e – nachalo 1930-kh gg.)” [From the plow to the briefcase: Village communists and Komsomol members in the process of depeasantization (1920s – early 1930s)]. In *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 5–7 dekabrya 2008 g.)* [History of Stalinism: Outcomes and problems of study: Proceedings of the International scientific conference (Moscow, December 5–7, 2008)], 495–528. Moscow: ROSSPEN, Fond “Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina”, 2011. (In Russian)

Safonov, D.A. “Krest'yanskoe pokolenie ‘revolyutsionnogo pereloma’: nachalo stanovleniya” [Peasant generation of the ‘revolutionary turning point’: The beginning of its formation]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 28, no. 3 (2023): 673–88. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-673-688> (In Russian)

Shanin, T. “Istoriya pokolenii i pokolencheskaya istoriya Rossii” [History of generations and generational history of Russia]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, no. 3 (2005): 6–25. (In Russian)

Slezin, A.A., and K.A. Yakimov. “Obshchestvennye nastroyeniya krest'yan pokoleniya ‘revolyutsionnogo pereloma’ na rubezhe 1920–1930-kh gg.” [Public sentiment among peasantry of ‘revolutionary turning point’ generation at the turn of 1920s–1930s]. *Nauchnyi dialog*, vol. 11, no. 8 (2022): 453–69. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469> (In Russian)

Worobec, Ch. *Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.

Информация об авторе

Владимир Александрович Ипполитов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0001-9327-3865>, vladimir.ippolitov@mail.ru, Тамбовский государственный технический университет (д. 106/5, ул. Советская, 392000 Тамбов, Россия).

Information about the author

Vladimir A. Ippolitov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, <https://orcid.org/0000-0001-9327-3865>, vladimir.ippolitov@mail.ru, Tambov State Technical University (106/5, ul. Sovetskaya, 392000 Tambov, Russia).

Статья поступила в редакцию 06.02.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 02.11.2024.

The article was submitted 06.02.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 02.11.2024.